

АЛИСИЯ НЕБЕСНАЯ

Няня для сына
АЛЬФЫ

Алисия Небесная

Няня для сына альфы

«Автор»

2026

Небесная А.

Няня для сына альфы / А. Небесная — «Автор», 2026

Я бета-волчица. Четыре года в бегах от своей стаи. Пришла на собеседование — попала в дом альфы. И прямо в драку с ним под луной:— Так что, Фиби. У тебя есть только два варианта. Работать на меня. Или вернуться туда, откуда бежала.— Почему я? — спрашиваю тихо. Он наклоняется ближе — так, что я чувствую тепло его дыхания.— Потому что ты не отводишь взгляд. И не ищешь, за кого спрятаться. Я не отвернулась. И теперь его волк знает. И моя — тоже.

© Небесная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алисия Небесная

Няня для сына альфы

Глава 1

Николас

Высотка из стекла и стали возвышается над городом, словно монумент моей власти. Она всегда была для меня знаком успеха — зримым доказательством того, чего я добился, и напоминанием о простой истине: путь вверх требует жертв.

Я стою у панорамного окна на одном из верхних этажей и смотрю вниз — на поток машин, на беспорядочное движение людей, на город, который никогда не спит. Сегодня решается многое: крупнейший проект в моей карьере, сделка, способная открыть новые горизонты.

Но вместо того чтобы сосредоточиться на деталях, я держу на руках сына.

Маленькие пальцы цепляются за лацкан пиджака с неожиданной силой, будто он боится, что я его отпущу. Тёплое тельце прижимается к груди, и в этом доверчивом жесте есть нечто, с чем я до сих пор не научился справляться.

— Мами?

Тонкий детский голос звучит так искренне и просто, что внутри что-то болезненно сжимается.

Я следую за его взглядом и замечаю женщину, спешащую по коридору с пакетами в руках. Она даже не смотрит в нашу сторону — обычная сотрудница, одно из множества лиц.

— Нет, сын. Мимо. Это не мама, — говорю ровно, осторожно поправляя его ладонь.

Он тяжело вздыхает и утыкается носом мне в плечо.

Я сжимаю челюсти. Привык справляться со всем: конкуренция, кризисы, многоходовые игры в мире бизнеса — умею держать ситуацию под контролем. Но этот крохотный человек в моих руках — совсем другое. Он ломает привычный порядок, рушит выстроенные границы, и я не знаю, как с этим быть.

Офис живёт своей жизнью. Переговорная готова, секретарша пробегает мимо, на ходу переговариваясь по телефону, сотрудники проверяют бумаги. В воздухе висит напряжение, неизбежное перед крупными сделками, но я почти его не чувствую.

— Папи... ку, — сын тянет меня за пиджак.

«Ку»? Что это значит? Опускаю на него взгляд, пытаюсь понять, чего он хочет.

Сандра всегда проводила с ним больше времени — знала его детский язык, понимала эти короткие «пи», «ми», «ку». Для неё они были словами. Для меня — набором звуков, чужим кодом, к которому у меня нет ключа.

Я умел разбираться в контрактах, оперировать цифрами, видеть слабые точки в переговорах. Умел просчитывать людей, риски, последствия. Но я не умел понимать собственного сына — и это вскрылось слишком поздно.

Это должно было насторожить меня раньше. Гораздо раньше.

Ещё вчера вечером всё было привычно, выверено, как всегда. Сандра укладывала сына, дом жил своим тихим ритмом, в котором всё стояло на местах. А утром — пустая постель.

И записка. *Прости, я устала.*

Перечитал эти слова несколько раз, будто от этого они могли изменить смысл. А между строк появится объяснение, причина, логика. Но там не было ничего. Ни «почему», ни «куда», ни «когда вернусь».

И ни слова про сына.

Это решу позже. Найду. Объяснюсь по моему кодексу, не по её.

Через час у меня встреча, а сын до сих пор спит — не умыт, не одет и не накормлен.

Стою посреди спальни, смотрю на сына и понимаю: плана больше нет. Ни чёткого графика, ни привычной последовательности. Всё, что обычно работает, здесь бесполезно.

Пытаюсь разбудить его, чтобы одеть — Алекс тут же хмурится, недовольно мычит и вцепляется в мою рубашку.

— Нет... — сонно тянет он и утыкается носом мне в шею.

Он хотел спать. Утром ему было плевать на мой график, встречи, сделки и тайминг. Он капризно ворчал, пинался пяткой, сопротивлялся всем телом, когда я пытался стянуть с него пижаму.

Я сжимал челюсти.

У меня никогда не было проблем с контролем. Но тем утром всё пошло не по плану — с первой минуты, грубо и без предупреждения.

Воспоминание обрывает вибрация телефона.

Я снова стою у панорамного окна. Город внизу живёт своей жизнью, будто ничего не произошло. Часы на запястье тихо щёлкают — без пяти двенадцать.

Перехватываю Алекса удобнее и направляюсь к лифтам. Коридор встречает привычной тишиной, в которой каждый шаг звучит отчётливо. Сотрудники, попадающиеся навстречу, здороваются кивками, но взглядов не задерживают — никто не задаёт вопросов, хотя вопросы читаются слишком легко.

Двери лифта закрываются почти сразу. В отражении металла вижу нас двоих — мужчину в дорогом костюме и ребёнка у него на руках. Картина, к которой я не привык. Картина, к которой не привыкнет и этот этаж.

Лифт мягко останавливается. Сигнал. Двери расходятся в стороны.

— Добрый день, — говорю коротко, проходя в переговорную и не задерживая шаг.

Подчинённые, партнёры, инвесторы привыкли к чёткому регламенту, безупречной организации встреч и строгому следованию таймингу. Никто из них не ожидал увидеть здесь ребёнка.

Тем более — моего сына.

Алекс радостно болтает ногами у меня на руках, совершенно не заботясь о том, где находится и какие взгляды скользят по комнате. Несколько секунд повисает неловкая пауза — слишком заметная, чтобы её не почувствовать.

Я усаживаю его в кресло рядом с собой и протягиваю маркеры и листы бумаги.

— Держи, сын. Это пока твоё.

Алекс с восторгом хватается маркер, без раздумий суёт в рот.

Замечаю это краем глаза, но не спешу реагировать. Всё под контролем. Или, по крайней мере, должно быть.

Наступает странная пауза.

Кто-то из сотрудников осторожно откашливается. Менеджер, сидящий напротив, демонстративно углубляется в документы — будто если не смотреть на происходящее, оно исчезнет само собой.

— Не обращайтесь внимания, — спокойно говорю я, опускаясь в кресло. — Нештатная ситуация.

Несколько взглядов скользят по комнате, но все быстро берут себя в руки. В этом мире нет места для детей. Но я здесь. Мой сын здесь. И у нас есть работа.

Я выпрямляюсь, ладони твёрдо ложатся на стол.

— Хорошо, перейдём к делу. Проект должен выйти на рынок и занять свою нишу. Конкуренция высокая, но у нас есть сильные стороны. Нам нужна чёткая стратегия продвижения.

Продакт-менеджер кивает, пролистывая документы.

— Аналитику проработали. Вопросов будет много, но аудитории нужно что-то, что зацепит. Дизайнеры работают над концепцией, но необходим точный маркетинговый план.

Переворачиваю страницу, скользя взглядом по цифрам.

— Без сильного позиционирования мы не сможем выделиться. Люди не покупают просто продукт — им нужна идея, связь, эмоция. Мы должны создать ценность. Инвестиции в рекламу оправданы, но этого недостаточно. Нам нужно предложить нечто большее.

Секретарь молча фиксирует тезисы.

Алекс тем временем находит новый способ самовыражения — размашисто водит маркером по столу, оставляя жирную линию.

Я даже не моргаю.

— Нам нужен прототип на следующей неделе, — откидываюсь в кресле, сцепляя пальцы. — Конкретные цифры, прогнозы. Никакой воды. Это не просто идея — это проект, в который мы вкладываем серьёзные ресурсы.

Переговорная замирает в короткой, наполненной смыслом паузе.

— Николас, нам нужно выбрать нового сторителлера. Есть одна кандидатка, но она задерживается, — говорит менеджер ровным тоном, хотя в голосе проскальзывает лёгкое раздражение.

Не лучшее начало для сотрудника — заставлять ждать. Играем в минус тому, кто ещё даже не приступил к работе. Скольжу взглядом по часам. Не критично, но всё же.

Сын в это время продолжает своё творчество, водя маркером по глянцевой поверхности папки. К счастью, с неё можно стереть всё, что он успеет нарисовать.

Менеджер, стоящий рядом, явно ждёт моего решения.

— Кто она? — спрашиваю, не отрывая взгляда от сына, который, кажется, уже нашёл в этом занятии смысл жизни.

— Фиби Лоуренс. У неё есть опыт в создании контента, она реализовала несколько успешных проектов, но... — менеджер замолкает, подбирая слова. — Она не совсем типичный кандидат для нашей компании.

— В чём именно её отличие? — приподнимаю бровь и внимательно смотрю на него.

— Она не из корпоративного мира. Скорее... творческая личность.

Интересно.

Пока я обдумываю это, дверь переговорной открывается.

Не сразу поднимаю взгляд. Но волк внутри меня мгновенно настораживается. В воздухе появляется новый запах. С едва уловимой горечью. С лёгкой сладостью. Запах, который сбивает ритм дыхания.

Глава 2

Николас

Запах кажется знакомым — и в то же время чужим. Волк внутри настороженно поднимает голову и делает глубокий вдох. Запах проникает в ноздри, лёгкой волной разливается по телу.

Она входит. Быстро, чуть смущённо поправляя папку в руках, отбрасывая волосы с лица. — Простите, пробки... Задержалась, — голос мягкий, немного сбившийся от спешки.

Нестандартный кандидат. Не из корпоративного мира. Я медленно поднимаю на неё взгляд. Фиби Лоуренс.

Она ловит мой взгляд и замирает на долю секунды — словно инстинктивно чувствуя, что в комнате сменилась динамика.

Секретарь многозначительно кашляет. Менеджер нервно сжимает ручку, но почти сразу берёт себя в руки.

Сын перестаёт чертить по папке и резко поднимает голову. Его внимание сразу цепляется за ярко-красную папку в руках Фиби, и он тянется к ней, не раздумывая.

— Па! — выдыхает он и тянет руку к папке, переводя взгляд на Фиби. — Па!

Наступает странная, затянутая пауза. Фиби растерянно моргает.

Я выпрямляюсь в кресле, сцепляю пальцы в замок и позволяю себе долгий, оценивающий взгляд.

Интересно. Очень интересно.

— Садитесь, мисс Лоуренс, — произношу ровно, чуть медленнее, чем требуется. — Поговорим о вашей кандидатуре.

Она кивает и проходит к столу. Алекс вскидывает голову. Соскальзывает с кресла. Забирается ко мне на колени.

Лоуренс занимает место рядом с нами, и Алекс тут же подаётся вперёд, вытягивая руку. Маленькая ладошка тянется настойчиво, без раздумий.

— Па, — тянет он.

На мгновение в комнате воцаряется тишина. Менеджер за моей спиной лихорадочно перебирает документы, кто-то неловко кашляет.

— Алекс, не надо, — говорю хрипло, пытаюсь отвести его руку.

Бесполезно. Он тянется ещё настойчивее.

Фиби слегка улыбается — спокойно, без тени смущения. Алекс начинает нетерпеливо ёрзать у меня на коленях, подпрыгивает, извиваясь всем телом, и издаёт тонкий писк — короткий, требовательный.

Фиби невольно переводит на него взгляд. Мне нужно остановить это. Немедленно. Я делаю глубокий вдох и откидываюсь в кресле.

— Хорошо. Думаю, на сегодня достаточно, — произношу резко. — Прошу всех разойтись.

Сотрудники поднялись, переглянулись и всё же вышли.

— Простите, — выдыхаю, переводя взгляд на неё. — Сегодня его первый день со мной. Зачем я это сказал?

Фиби не осуждает. Лишь пожимает плечами.

— Не страшно. У меня братья, так что с малышами я справляюсь.

Говорит спокойно. Слишком спокойно для этой ситуации.

— Фиби, — произношу коротко. — Вы пришли на вакансию сторителлера?

— Да, — отвечает она и чуть сильнее сжимает папку.

Пауза. Экран телефона вспыхивает именем. Мама. Сжимаю телефон в руке и принимаю звонок.

— Да, мам.

Алекс тянется к Фиби, беспокойно ёрзая у меня на руках.

— Ник, я сейчас зайду к тебе с Розали. Помнишь, я говорила?

Медленно перевожу взгляд на дверь.

Розали — глава альянса. Она решает, кому доверять, а кого ликвидировать. Альфа без пары — слабый альфа. Слабого альфу альянс не держит. Если она узнает, что Сандра ушла, оставив ребёнка... Это не просто проблема. Это угроза мне и моей стае.

Решение приходит сразу. Я смотрю на девушку.

Алекс крепко сжимает её запястье. Маленькие пальцы впиваются неловко, по-детски, он тянется ближе, прижимаясь всем телом, будто боится, что его сейчас отнимут.

— Фиби, — мой голос звучит ровно. — Вы могли бы мне подыграть?

Она моргает, будто не сразу понимает, о чём речь, и задерживает дыхание.

— В чём?

Я наклоняюсь ближе, понижая голос.

— Вы будете няней моего сына.

Фиби замирает. Всего на мгновение смотрит на меня, будто ожидая продолжения. Но я молчу.

Алекс у меня на руках ёрзает и вдруг коротко хихикает, оглядываясь по сторонам.

Чувствую, как время сжимается. Розали уже близко.

У Фиби напрягаются скулы. Она не отвечает сразу — лишь выдыхает неровно, взгляд на долю секунды срывается на ребёнка и возвращается ко мне.

— Хорошо, — говорит она наконец и едва заметно сглатывает.

Алекс снова начинает ёрзать у меня на руках. Не капризно — иначе. Пальцы цепляются за лацкан, дыхание сбивается.

Перехватываю взгляд Фиби и замечаю, как Алекс тянется к ней — телом, упрямо.

За дверью слышатся шаги. Каблуки. Розали уже здесь.

— Возьмите его, — говорю тихо.

Не дожидаясь ответа, осторожно пересаживаю Алекса, придерживая под спиной. Он неловко перебирается к ней на колени, цепляется за рукав и тут же прижимается, утыкаясь лицом в плечо.

Фиби замирает на секунду, затем кладёт ладонь ему между лопаток. Короткое, уверенное движение.

Алекс тяжело выдыхает и затихает.

— Вы всегда так делаете? — спрашивает Фиби спокойно.

— Как?

— Отдаёте распоряжения, не спрашивая, удобно ли человеку.

В комнате становится тише.

Я наклоняюсь вперёд, понижая голос.

— Просто сделайте вид, что вы няня. Если хотите продолжить разговор о работе. Не усложняйте.

— Понятно.

Я привык к тому, что люди рядом со мной теряются. Отводят взгляд, сбиваются с дыхания, инстинктивно делают шаг назад — сами не понимая почему.

Фиби остаётся на месте.

Она не улыбается и не прячется за вежливостью. Смотрит прямо, спокойно, не отводя взгляда. Дыхание ровное; лишь едва заметное движение плеч выдаёт напряжение — не страх.

Дверь переговорной распахивается без стука.

На пороге — мама. И рядом с ней — Розали.

Высокая, собранная, в идеально сидящем костюме холодного графита. Взгляд тяжёлый, оценивающий.

Алекс инстинктивно прижимается к Фиби, цепляясь за её рукав. Она едва заметно вздрагивает, но не отстраняется.

Глава 3

Фиби

Утро начинается с хаоса. Будильник громко, раздражающе и безжалостно орёт. Вслепую шарю рукой по кровати в поисках телефона. Пальцы скользят по подушке и сбивают что-то на пол — вероятно, книгу, которую читала перед сном.

Чёрт. Прищуриваюсь, чтобы сфокусироваться на экране. 6:45. Неужели я наконец-то не проспала?

Нажимая на экран, выключаю звук. В наступившей тишине слышен тихий стук дождя по подоконнику. Голова тяжёлая, тело будто налито свинцом, а в груди липкая тревога. Сегодня важный день — собеседование. Этот день может изменить всё.

Пробуждение — это борьба с сонным телом. Перекатываюсь на бок, медленно сползаю с кровати и ступаю на холодный линолеум. Холод мгновенно пробирается вверх, заставляя кожу покрываться мурашками.

Глубоко выдыхаю и заставляю себя встать. Квартира встречает тихим полумраком. Тусклый свет уличных фонарей пробивается сквозь шторы; воздух в комнате чуть прохладный, пахнет чем-то спокойным — привычным.

Подхожу к умывальнику, стягиваю футболку, позволяю воде стекать по коже, смывая остатки сна.

В отражении всё та же девушка. Светлая кожа, спутанные волосы, под глазами лёгкие тени — ничего нового.

Сборы — бег по кругу. Чайник уже жужжит, когда я хватаю папку с работами. Документы, заметки, идеи для концепции — всё на месте. Бросаю взгляд на резюме, пробегаю глазами последние строчки.

Чувствую, как внутри нарастает сомнение. А вдруг я не подхожу? А вдруг они ищут кого-то другого?

Глубокий вдох. Выдох. Нет. Всё будет хорошо.

Сгребаю волосы в небрежный пучок, быстро оглядываю себя в зеркале. Чёрные брюки, светлая рубашка, лёгкий кардиган. Классика.

Перед самым выходом тянусь к флакону духов. Лёгкий феромонный след, приглушающий запах волчьей натуры. Одно нажатие. Аромат нежный, едва уловимый. Чужой нос не отличит.

Но я знаю: этого достаточно, чтобы скрыть меня от бет и альф.

Последний взгляд в зеркало. Теперь — вперёд.

Метро: слишком много людей, слишком много мыслей.

Вагон набит. Запах кофе, чужих духов, влажных курток. В воздухе висит тяжесть чьих-то утренних проблем.

Держу папку, прижав к груди; пальцы напряжённо сжимают край. В голове мысли скачут хаотично.

Что меня там ждёт? Каким будет этот день? Четыре остановки — и узнаю.

Автобус — последняя преграда. Холодные капли дождя ложатся на плечи, когда я выбегаю из метро и врываюсь в салон.

Люди толкаются, шины скользят по мокрому асфальту, город мелькает за окном. Снова проверяю папку, достаю телефон, сверяюсь с маршрутом. Осталось десять минут.

Десять минут до нового этапа жизни. До начала.

Автобус резко тормозит, и я инстинктивно хватаюсь за поручень, чтобы не упасть.

— Чёрт... — шепчу сквозь зубы, чувствуя, как кто-то толкает меня в бок.

Водитель ругается, автобус кренится, и по салону прокатываются недовольные возгласы.

— Что случилось?! — кричит кто-то сзади.

Приподнимаюсь на носках, заглядываю вперёд и вижу: прямо перед автобусом стоит старая легковушка. Водитель легковушки нервно жестикулирует, водитель автобуса что-то бросает ему, но даже без слов понятно — мы здесь надолго.

Смотрю на часы. Чёрт. Я уже должна быть в офисе.

Паника сжимает горло.

Люди начинают выходить из автобуса. Кто-то звонит на работу, торопливо объясняя опоздание. Я тоже должна...

Сглатываю, достаю телефон, открываю сообщение на номер из письма.

«Добрый день. Я застряла в пробке. Буду через пятнадцать минут».

Палец зависает над кнопкой отправки. Нужно написать что-то более... убедительное?

Внезапно кто-то толкает меня. Теряю равновесие — телефон выскальзывает из рук и со звонким стуком падает на пол.

— Осторожнее! — раздражённо бросаю в сторону парня, который слишком спешит выбраться из автобуса.

— Извините, девушка, но я не виноват, что тут всё стоит!

Опускаюсь на колени, пытаюсь нащупать телефон среди суматохи.

Паника накатывает волной. Ещё минута. Ещё одна. Я уже должна быть там.

Наконец пальцы касаются прохладного корпуса, но... экран треснул.

— Ну только не это... — шепчу, включая его.

Зависла. Перезагружаю. Опять зависла. Злость, страх и бессилие — всё это нахлынуло одновременно.

Не могу связаться с офисом. Опаздываю. Не представляю, как меня примут после такого.

Но одно я знаю точно — это самое неудачное начало собеседования, которое только можно представить.

Вдох. Выдох. Остаётся только бежать.

Лечу по тротуару, скользя по мокрой плитке, перепрыгивая через лужи. Сумка с папкой подпрыгивает на плече, волосы выбились из заколки, телефон до сих пор тупит, но теперь это неважно.

В груди горит от быстрого бега, лёгкие протестуют, но я не останавливаюсь. Офис уже в поле зрения.

Высотка из стекла и стали нависает над городом — холодная, неприступная.

Запрыгиваю в холл. Воздух внутри кажется тяжёлым, пропитанным парфюмом, кофе и статусом.

Где стойка регистрации? Ах да.

— Фиби Лоуренс, на собеседование, — выпаливаю, выдыхая последние силы.

Секретарша лениво поднимает взгляд, скользит глазами по распахнутому кардигану, взлохмаченным волосам.

Торопливо приглаживаю прядь, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Ваше собеседование уже началось. Офис на двадцатом этаже.

Лифт. Я захожу в кабину и нажимаю кнопку. Двери закрываются, и вокруг наступает непривычная тишина, контрастирующая с шумом и суетой на улице. Упираюсь в прохладную стену, стараясь успокоиться. Сердце колотится, во рту пересохло. Сглатываю, поправляю одежду и приглаживаю волосы, выпрямляюсь.

Главное — не выдать, что я только что преодолела полгорода.

Дзинь! Двери открываются, и передо мной — просторный офис. Холодные тона, стеклянные перегородки, идеальный порядок.

Глава 4

Фиби

Можно было ожидать чего угодно, но только не этого. Сторителлером — да, офисным сотрудником — возможно. Но няней? Об этом я даже не задумывалась.

В моей семье было четверо детей. Маме часто нужна была помощь, и я рано привыкла подхватывать её без слов. Теперь это в прошлом. Здесь нет родных запахов и привычного чувства защищённости. Здесь другие волки и другие правила.

Едва успеваю зафиксировать эту мысль, когда дверь распаивается.

В комнату входят две женщины. Уверенно, без суеты. Первая останавливается у двери — взгляд цепкий, холодный, оценивающий. Вторая задерживается чуть дольше. Она не смотрит поверхностно — разбирает, как предмет. От этого взгляда по спине проходит холод.

Алекс сильнее сжимает моё запястье, прижимается всем телом, ища защиты. Он не понимает, что происходит, но чувствует угрозу.

Я не отвожу взгляда. Плечи тяжелеют, тело напряжено, но дыхание остаётся ровным. Слабость сейчас недопустима.

— Николас, почему Алекс с тобой? — голос звучит спокойно, но в нём скользит упрёк.

Я не двигаюсь. Она стоит прямо, с безупречной осанкой, словно одно её присутствие наводит порядок. Без эмоций. Без компромиссов.

— А где Сандра? — вопрос произносится мягко, почти небрежно, но воздух между нами сгущается.

Имя чужое. Незнакомое.

Почему отсутствие этой женщины вдруг становится проблемой?

Взгляд задерживается на мне дольше, чем требуется. Внимание — холодное, настойчивое. Оценивающее.

— Кто вы для Алекса? — звучит ровно, без интереса, как формальность.

— Я няня, — отвечаю спокойно, увереннее, чем ожидала от себя.

Алекс тихо сопит, утыкаясь мне в плечо.

Николас молчит. Его взгляд скользит по мне и задерживается дольше, чем требуется.

— Фиби, прогуляйтесь с Алексом. Я наберу вас, — произносит он ровно.

Это не просьба и не приглашение к обсуждению.

Понимаю это сразу — по тону и короткой паузе после слов. Николас протягивает банковскую карту. Не сразу тянусь к ней — Алекс у меня на руках, и мне приходится перехватить его удобнее. Лишь потом беру карту свободной рукой.

Пластик холодный, гладкий. Когда пальцы смыкаются, по коже проходит напряжение — короткое, резкое.

Поднимаю на него взгляд, но не задаю вопрос — ответ мне и так ясен. Николас смещается в сторону, освобождая проход.

Прижимаю Алекса ближе, чувствуя, как он цепляется за мой рукав, и разворачиваюсь к двери.

За спиной продолжается разговор, к которому я больше не имею отношения. Дверь кабинета закрывается, и я просто иду дальше.

Останавливаюсь в пустом холле. Тишина. За стеклянными дверями кабинетов движение почти незаметно, но взгляды задерживаются.

Люди сидят на местах, однако что-то отвлекает их от работы: кто-то на секунду отрывается от экрана, кто-то замирает с документами в руках, кто-то слишком старательно делает вид, что не смотрит. Их внимание направлено не на меня — на ребёнка у меня на руках.

Не знаю этих людей и не понимаю, что именно их зацепило. Но по тому, как они смотрят, становится ясно: появление ребёнка в этом месте — редкость. И явно не случайность.

Коридор выводит к лифтам. Кнопка уже нажата кем-то до меня, кабина ждёт с распахнутыми дверями. Мы едем молча — Алекс утыкается мне в плечо, пальцы всё ещё цепляются за ткань, будто он боится отпустить.

На первом этаже лифт открывается прямо в просторный вестибюль. Здесь выше потолки, больше света и слишком много чужих запахов. Я выхожу, не задерживаясь, и только тогда замечаю взгляды.

Делаю глубокий вдох и опускаю взгляд на малыша в своих руках. Крошечные пальцы цепляются за мой рукав, светлые волосы слегка взъерошены, щёки порозовели от прохладного воздуха.

Я поправляю ворот куртки и сильнее прижимаю Алекса к себе.

— Ну что, Алекс, пойдём гулять в парк? — стараюсь говорить легко, хотя голос всё же чуть дрожит.

Парк встречает свежестью после дождя. Влажный воздух пахнет мокрой листвой и свежесваренным кофе из палатки у входа. Лёгкий ветер тянет холодком, выбивая пряди волос из-под воротника.

Алекс доволен — болтает ногами, ёрзает у меня на руках, тянется ко всему вокруг, не задерживаясь ни на чём дольше секунды.

— Хоти! — вдруг требует он и дёргает меня за воротник.

— Что?

— Хоти! Хоти!

Перевожу взгляд — он указывает на женщину с сахарной ватой. Понятно.

— Сладкого хочешь? — уточняю.

Алекс тут же оживляется, издаёт короткий радостный звук и нетерпеливо подпрыгивает у меня на руках. Неудивительно. Маленький волчонок — и в приоритете, конечно, добыча.

— Хорошо, но только чуть-чуть, — предупреждаю.

Он не отвечает — просто замирает на секунду, будто прислушивается, а потом снова тянется вперёд.

Купив сахарную вату, отрываю крошечный кусочек и подношу к его губам. Алекс осторожно пробует, жмурится — и вдруг замирает. Носик дёргается, дыхание сбивается, тело напрягается резко и сразу.

— Алекс? — зову тихо.

Он не отвечает. Просто стоит неподвижно, не моргая.

Понимаю это мгновенно — без мыслей и слов.

— Нет... — шепчу и опускаюсь перед ним.

Дыхание сбивается короткими толчками, пальцы сжимаются в маленькие, напряжённые кулаки. Алекс смотрит на свои руки с растерянным вниманием, будто не понимает, что с ними происходит.

Слишком много запахов и слишком много людей. Для волчонка, который ещё ни разу не делал оборот, это оказывается слишком резким столкновением с внешним миром.

Не здесь. Парк открыт, вокруг слишком много людей и чужих взглядов. Если он сорвётся, это заметят — и этого допустить нельзя.

Глава 5

Фиби

День ясный и тёплый. Солнце пробивается сквозь кроны, ложится светлыми пятнами на дорожку, на его светлые волосы, на мои руки. Вокруг спокойно — слишком спокойно для того, что происходит со мной.

Пульс сбивается. Смотрю на Алекса и понимаю: времени больше нет, решение нужно принимать сейчас.

Волчонок рвётся наружу, не понимая, почему нельзя. Напряжение доходит до предела, ещё мгновение — и он не удержится.

Делаю глубокий вдох и принимаю решение, ясно осознавая риск. Отпускаю волчицу — не полностью, ровно настолько, чтобы Алекс почувствовал и узнал.

Взгляд темнеет, в нём на короткий миг проступает хищная тень. Он считывает её сразу, даже не осознавая этого.

Остаюсь с ним на одном уровне и наклоняюсь ближе. Голос становится ниже и спокойнее. — Спокойно, Алекс. Я здесь. Не сейчас. И не здесь.

Медленно провожу ладонью по его плечу, чувствуя, как дрожь в маленьком теле постепенно сходит на нет. Сбитое дыхание выравнивается, становится тише.

Тёплые, неловкие пальцы тянутся к моему лицу и на мгновение замирают на щеке. Прикосновение почти невесомое — и оттого особенно тяжёлое.

— Мами?.. — выдыхает он тихо.

В этом слове нет просьбы — только потерянности. Напряжение спадает так же резко, как возникло: плечи расслабляются, взгляд проясняется. Волчонок отступает, оставляя просто ребёнка, которому нужно чувствовать опору.

Я не его мама.

Но сейчас этого достаточно.

Мысль тянет за собой воспоминание — короткое, чужое: сильные руки отца, спокойный голос, который не требовал объяснений. Дом. Стая. Запах хвои и тёплого хлеба.

Обрываю это ощущение на вдохе.

Не тогда. Сейчас — Алекс.

Выдыхаю и возвращаю внимание к Алексу.

— Знаешь что? — говорю мягко. — Давай доедим сладкую вату. Видишь, если растянуть её вот так?

День остаётся ясным, солнце пробивается сквозь кроны, но под ногами всё ещё сыро: лужи не успели высохнуть, земля тянет холодной влагой, воздух пахнет мокрой листвой.

Алекс этого не замечает. Он просто идёт вперёд — быстро, нетерпеливо, как будто мир слишком большой, чтобы задерживаться на чём-то одном.

Его одежда явно не для таких прогулок: идеальные джинсы, чистые манжеты, аккуратная куртка. Всё говорит о том, что грязи здесь быть не должно.

Замечаю лужу раньше него — тёмное пятно прямо на пути. Успеваю только вдохнуть.

— Алекс...

Он не останавливается. Шаг — и сразу прыжок. Вода разлетается брызгами. Я замираю слишком поздно.

Алекс смеётся — открыто, искренне, запрокидывая голову. И я всё-таки улыбаюсь в ответ.

Уже почти забываю обо всём, но взгляд цепляется за его обувь. Чёрт.

Белые, безупречно чистые кроссовки с тонкой подошвой и аккуратным логотипом — не для луж и мокрой земли. Невольно вздыхаю.

Подхватываю Алекса на руки. Он оказывается неожиданно тяжёлым. Его кроссовки тут же оставляют тёмные следы на моих штанинах. Перетаскиваю его через лужу и всё равно задеваю край — брызги летят в стороны.

Вода взмывает вверх и с размаху оседает на брюках, оставляя на ткани тёмные, неровные пятна. Несколько капель добираются до пуловера.

Прекрасно. Просто идеально.

Брюки и без того были сомнительным выбором для прогулки с ребёнком, а теперь обзавелись выразительным узором из грязных разводов. Пуловер, конечно, не отстаёт.

Замечательно.

Почти визитная карточка: «Здравствуйте, я — няня и уверенно ориентируюсь в лужах».

Глубоко вздыхаю, стряхивая капли с брюк.

— Так, малыш, — говорю спокойнее, чем чувствую себя на самом деле. — Лужи — не вариант, хорошо?

Алекс хмурится. Брови сходятся, щёки напрягаются.

— Нет, — серьёзно отвечает он и упрямо мотает головой.

Нет уж.

Подношу его ближе, добиваясь, чтобы он смотрел мне в глаза. Держу крепче — не резко, просто увереннее.

— Нельзя, — говорю тихо и ровно. — Холодно.

Он моргает. Слова, кажется, проходят мимо, но тон — нет.

Наклоняюсь ещё ближе и добавляю уже совсем мягко:

— Бр-р.

Чуть сжимаю его ладони, будто они замёрзли.

Алекс замирает. Потом вытягивает руки к себе, прижимает их к груди.

— Неть... — шепчет, уже без упрямства.

Киваю, словно мы действительно договорились.

Победа.

Едва сдерживаю улыбку, глядя на его серьёзную мордашку, и в этот момент за спиной раздаётся хрипловатый голос:

— Как он?

Вздрагиваю и оборачиваюсь не сразу.

Николас.

Он стоит в паре шагов. Взгляд скользит сначала по сыну — проверяет, всё ли в порядке. Потом ко мне. К пятнам на брюках, к грязным кроссовкам Алекса.

Спокойно. Оценивающе.

Алекс радостно вскидывает руки, будто хочет показать что-то важное:

— Ля-ля нельзя! — лепечет он с гордостью и качает головой, подражая мне.

Тишина.

Взгляд Николаса задерживается на моём лице.

— В багажнике есть плед, — говорит он ровно. — Сядете на него. Машину в таком виде пачкать не будем.

Глава 6

Николас

Стеклянные стены офиса отражают холодный свет, притворяясь порядком и контролем. Розали напротив — неподвижна: прямая спина, скрещённые руки, взгляд хищника, который не выпускает из поля зрения ни одной детали.

— Ты берёшь переговоры с новой стаей, — говорит она ровно, но под спокойствием ощущается острота. На стол летит папка с гербом, который я мгновенно узнаю.

Стая сильная, властная. Таких не выбирают — с ними договариваются.

Провожу пальцами по гладкой поверхности, удерживая раздражение. Не из-за договора, а потому что каждая секунда здесь — потерянное время.

Где Алекс? Где эта «няня»?

— Они непростые, — продолжает Розали, словно проверяя меня на прочность. — Они знают свою ценность и не будут играть по чужим правилам. Мы не можем позволить себе упустить их.

Киваю. Понимаю. Власть, ресурсы, влияние — всё это важно для альянса. Для стаи.

Но, чёрт возьми, я хочу закончить этот разговор.

— Я займусь этим, — отвечаю коротко и встаю из-за стола.

Розали прищуривается, уголки губ едва заметно изгибаются.

— Спешить?

— Всегда, когда дело касается важных вещей.

Она кивает, принимая ответ.

Выхожу из кабинета. Коридор короткий, пустой, шаги звучат глухо. Лифт уже едет вниз: двери закрываются, отражая напряжённое лицо, и спуск занимает секунды.

Выхожу из здания и иду к парку — других мест для прогулки здесь нет. Останавливаюсь в нескольких шагах.

Фиби. Испачканная одежда, растрёпанные волосы. Алекс рядом — хлопает в ладоши, смеётся, не замечая ничего вокруг.

Сын в порядке — это я проверяю первым. Запах волчонка ровный, срывом не пахнет. Значит, справилась.

Смотрю на Фиби — прямо, оценивающе, без улыбки.

— В багажнике плед, — говорю ровно, с лёгкой, почти неуловимой насмешкой. — Сядете на него. Машину в таком виде пачкать не будем.

Выпрямляется, стряхивая грязь с брюк, будто это может исправить ситуацию. В её взгляде нет стеснения. Только холодное спокойствие.

— Ну что ж, — отвечает она с той же холодной выдержкой. — На плед так на плед.

Смотрю на Фиби. Недовольство проступает в мелочах — в напряжённых плечах, в жёсткой складке у рта. Взгляд прямой. Без извинений.

Она не привыкла уступать. Сейчас это не имеет значения.

— Нам нужно ехать домой, — говорю ровно. — Вы поедете со мной.

Пауза.

Тон не оставляет пространства для возражений.

Это не предложение. Я не собираюсь тратить время на уговоры. Собеседование — мой ресурс, и правила здесь задаю я.

Фиби медлит. Взгляд уходит в сторону, затем возвращается — собранный, настороженный.

— А как же собеседование? — спрашивает тихо.

Я прищуриваюсь.

— По дороге обсудим, — отвечаю спокойно. — Если поедете.

Точка.

Алекс тянется к её руке и сжимает пальцы. Не просит. Просто держится.

Мы идём к парковке.

Открываю дверь, усаживаю Алекса в детское кресло, фиксирую ремни. Проверяю крепление — один раз, и этого достаточно. Выпрямляюсь.

Фиби всё ещё снаружи: руки сжаты, взгляд коротко встречается с моим.

— Если вы не сядете сейчас, — говорю жёстко, — вопрос с работой для вас закрыт.

Алекс радостно смеётся, хлопает в ладоши, вертится на сиденье и то и дело оглядывается на Фиби.

Выезжаю с парковки и почти сразу ловлю её отражение в зеркале заднего вида. Сидит спокойно, смотрит в окно — слишком спокойно для той, кого только что поставили перед выбором.

Волк внутри шевелится. Не мысль — отклик: глухой, настороженный. Так он реагирует на чужую территорию, на присутствие того, что не вписывается.

Запах появляется резко — тёплый, живой, волчий. Делаю вдох глубже, позволяя зверю выйти вперёд, — но след тут же обрывается, словно его просто стерли. Волк внутри раздражённо дёргается: не понимает, куда делось то, что только что было.

Алекс на секунду замирает, перестаёт хлопать, наклоняет голову — потом снова отворачивается к окну и забывает о случившемся.

Снова смотрю в зеркало. Фиби поднимает глаза — взгляд спокойный, внимательный. Не отводит его сразу, и в этом нет вызова, только уверенность.

Волк напрягается сильнее. Запах возвращается на долю секунды — и снова исчезает. Есть. Нет. Как будто кто-то намеренно держит дистанцию, не давая зверю зацепиться.

Сжимаю руль. Волк знает: она не человек, но запах то появляется, то исчезает, и зацепиться не за что. Кто она на самом деле, он пока не понимает — и это злит.

Глава 7

Фиби

Мы едем в тишине.

Джип мягко глотает дорогу, мотор гудит ровно, без надрыва. Фонари вспыхивают и гаснут за стеклом. Алекс притих, сидит в кресле, прижавшись к спинке, и смотрит в окно, будто считает тени между деревьями. Он больше не лепечет.

Стараюсь дышать ровно.

Чувствую внимание Николаса — не взгляд. Давление, которое медленно заполняет салон, вытесняя воздух. Альфа-энергия ложится плотным слоем, накрывает, не давая спрятаться.

Он не оборачивается. Руки спокойно держат руль. Машина под контролем. Мне приходится сосредоточиться, чтобы не выдать реакции. Я не омега. И всё же тело откликается — неприятно, болезненно, как на ошибку в собственной природе. Этот отклик я ненавижу. Считаю изъясном. Тем, что скрываю.

Опускаю взгляд, не поднимаю глаз к зеркалу. Делаю медленный вдох и ещё один, удерживая себя в границах.

Салон сжимается. Альфа-поле не давит напрямую — оно просто есть. Духи ещё держатся.

Сладковатый, ровный слой — тонкий, почти незаметный. Ощущаю его кожей и понимаю: скоро он начнёт рассыпаться. Слишком долго мы в замкнутом пространстве. Слишком чувствительный альфа за рулём.

Хуже другое.

Я позволила волчице взять контроль. Всего на миг — и этого оказалось достаточно.

Теперь эффект растворяется быстрее. Запах то появляется, то исчезает. Я его не держу. Слишком короткая передышка. Не знаю, осознаёт ли это Николас, но его зверь слишком чувствителен к таким сбоям.

Замираю и сжимаю ремень безопасности. Дыхание ровное, выверенное.

Джип несётся вперёд, унося нас всё дальше от города. Ловлю себя на том, что считаю секунды — не до разоблачения, а до момента, когда запах исчезнет совсем.

Алекс тихо бормочет что-то своё. На мгновение становится легче.

Машина замедляется.

Мы съезжаем с дороги и почти сразу оказываемся у границы территории. Высокий кованный забор тянется вдоль леса — чёрный, строгий, без украшений. Камеры, светильники, закрытые ворота. Всё здесь говорит о контроле.

Как только машина проходит внутрь, внутри меня что-то сбивается.

Запахи накрывают резко — плотные, чужие, наслаивающиеся друг на друга. Волчица внутри замирает, будто потеряла ориентиры. За два года я отвыкла от этого давления, от волчьей иерархии.

Мне требуется усилие, чтобы сохранить спокойствие.

Дорога ведёт между аккуратными домами в одном стиле — тёмный кирпич, светлый камень, симметричные фасады, ухоженные газоны. Английская сдержанность, доведённая до холодной точности. В окнах горит свет. Где-то мелькают силуэты людей. Чуть дальше — фигуры волков, неподвижные, настороженные.

Чувствую их ещё до того, как вижу. Это не один дом. Это место, где живут.

Стая Николаса.

Мы останавливаемся у самого большого здания — центрального, выделяющегося не роскошью, а масштабом. Фасад строг и холоден, как предупреждение. Несколько волков замирают, когда замечают машину.

Они чувствуют мой запах сразу — чужой, неправильный. И им это не нравится.

Николас открывает дверь и забирает Алекса. Я выхожу следом — и воздух мгновенно густеет. Волчица внутри поднимает голову. Не рвётся вперёд, но и не отступает. Сжимается, готовая ответить — неправильно, не так, как принято на чужой территории.

Чужая стая принимает это как вызов.

Волки огрызаются и медленно смещаются, сужая круг. Клыки обнажены, взгляды тяжёлые, оценивающие.

— Не трогать, — голос Николаса режет воздух холодно и властно.

Напряжение ослабевает, но не исчезает. Стая отступает ровно настолько, насколько позволяет приказ альфы.

Ощущение чужой территории никуда не девается. Оно остаётся под кожей. Я отвыкла от оборотней за два года. Здесь опасно.

Внутри дом тёплый, дорогой и обставлен с размахом — это видно сразу. Бархат на диванах, тяжёлые портьеры в пол, картины в массивных рамах, ваза с засушенной композицией на каминной полке. Подушки с дорогой вышивкой — на местах, где в них никто не утыкался. Книги на полках — расставленные по цвету, не по теме. Каждая мелочь подобрана так, чтобы заметили цену.

Запах дерева, кофе и лёгкая нота женских духов. Цветочных. Дорогих, ровных. Не из тех, что выбирают для тепла. Из тех, что выбирают, чтобы заметили.

У этого дома была хозяйка. Она обставила его так, чтобы все понимали — её муж может себе позволить.

Алекс почти засыпает, уткнувшись носом в плечо Николаса. Тот несёт сына легко и уверенно, но в каждом движении сквозит сдержанная бережность.

Когда мы доходим до детской, Николас осторожно укладывает Алекса в кровать, снимает с него кроссовки и на секунду задерживается. Его взгляд скользит в мою сторону — коротко, без слов, но достаточно ясно.

«По лужам в кроссовках не прыгают», — читается беззвучно.

Сдерживаю улыбку, не позволяя себе выдать эмоции. Внутри поднимается что-то тёплое и странное. Слишком личное. Неуместное здесь.

— Вниз. Во двор, — голос режет тишину, холодный и острый.

Не оставляет выбора.

Иду за ним. По лестнице, через гостиную, к задней двери. Прохладный воздух ударяет в лицо — резкий, влажный, пахнет травой и сосновой смолой.

Двор большой, обнесён периметром. На границе деревьев — никого. Стая держится в стороне, чувствуя альфу.

Николас останавливается посреди двора. Оборачивается. Взгляд жёсткий, обжигающий.

— Кто ты? Как узнала обо мне? — рычит он. Этот звук не похож на человеческий.

Глухой. Низкий. Как раскат грома перед бурей.

Мгновение тянется.

Я могла бы солгать. Могла бы отвернуться. Но это не страх. Инстинкт подчинения альфе удерживает меня и не позволяет отвести взгляд.

— Я не знала про вас, — голос срывается, слова выходят хрипло.

Он усмехается — беззвучно, хищно.

— Врёшь.

Делает шаг. Потом ещё один. Медленно сокращает расстояние, пока между нами почти не остаётся места. Воздух становится тяжёлым.

Его запах накрывает сразу — холодный, резкий, с опасным теплом.

Поднимаю голову чуть выше, чем принято, и не отступаю.

Глаза Николаса — тёмные, без дна. Взгляд давит так, что инстинкт требует склониться и признать иерархию. Но я стою.

Волчица внутри напрягается и перехватывает контроль. Я больше не прячусь.

— Я не вру, — шепчу.

Он замирает, и тяжёлая пауза давит, пока он медленно втягивает воздух.

— Ты волчица, — говорит тихо.

По коже пробегает холод. Волосы на затылке встают дыбом. Волчица внутри скалится, чувствуя угрозу. Её сдерживает только его воля.

— Я не понимаю, о чём вы, — говорю спокойно.

Он усмехается.

— О нет, Фиби. Ты всё понимаешь. Я всю дорогу не мог уловить, что с тобой не так, — его взгляд темнеет. — А потом мои волки отреагировали, и всё встало на свои места. Ты волчица. Осталось понять — какого ранга. Будь ты омегой, уже сломалась бы.

Глава 8

Николас

Она стоит передо мной прямо. Плечи напряжены, но не опущены. Взгляд не мечется, не ищет выхода. Запах ровный, приглушённый — феромоны держат его на грани, но под ними чувствуется другое. Настоящее.

В растерянности она только внешне. Внутри — собранность. Готовность.

Наконец-то я чувствую её ясно.

Ещё перед домом стало понятно: она не человек. И не омега. Когда стояла показала зубы, она не отступила. Не сделала ни шага назад. Волчица внутри неё не искала укрытия — она поднимала голову, оценивая угрозу.

Так не реагируют те, кто привык подчиняться.

У меня было всего несколько минут, чтобы принять решение. Этого хватило.

Прищуриваюсь, рассматривая её. В глазах — жидкое золото.

— Что скажешь? — голос ровный, без давления.

Сомнений больше нет — она волчица, и я отдаю контроль волку.

Тело резко тянет вниз, движения меняются. Опускаюсь на четыре лапы, и мир перестраивается. Запахи становятся ярче. Звуки — резче. Всё вокруг ощущается иначе, жёстче и яснее.

Стоит мне задержать на ней взгляд — и она оборачивается.

Она не ищет защиты. Не ждёт приказа. В стойке — ровное напряжение. Она не омега.

Инстинкт складывает картину быстрее разума. Такой баланс самоконтроля и силы бывает у бет. Редкость. У волчиц — почти невозможная. Инстинкты требуют проверки. Я атакую первым.

Прыжок быстрый и жёсткий. Иду прямо, без финтов, проверяя реакцию. Она уходит в сторону, легко и точно, будто ждала этого. Разворачиваюсь — и в тот же миг чувствую её ответ: клыки почти смыкаются у моей шеи.

Она не убегает. Она отвечает. Мы кружим, шаг за шагом сужая круг. Это не ярость и не страх — расчёт и контроль.

Теперь сомнений нет: она бета. И она умеет держать позицию.

Бросаюсь снова и прижимаю её к земле. Она вырывается, оставляя царапину на боку. Кровь горячая. Она не защищается. Она проверяет меня так же, как я её.

Схватка за уважение. Мы останавливаемся. Дыхание сбивается. Взгляды встречаются.

Отступаю на шаг и ловлю её взгляд. В нём нет страха — только вызов, упрямство и скрытая дикость, загнанная в угол.

Она устояла под давлением.

— Ты принята, — говорю спокойно.

Не давлю. Не повышаю голос. Просто фиксирую факт.

Фиби возвращается в человеческий облик почти сразу. Пот блестит на висках, дыхание сбивчивое, на губе остаётся тонкая полоска крови. Она вытирает её тыльной стороной ладони и смотрит на меня так же прямо — цепко, внимательно, без попытки спрятаться.

Разворачиваюсь и иду обратно к дому. Не оглядываюсь. Слышу, как она идёт следом — шаг ровный, не торопливый.

В доме всё так же. Алекс наверху спит. Кухня тёмная. Включаю верхний свет.

— Простите? — голос резче, чем, кажется, хотела.

Не оборачиваясь, бросаю через плечо:

— Я сказал: ты нанята. Няней.

Выгнать — значит начать завтра заново. Сын уже привязался. Рискую я. Решаю я.

— Но это не та должность! — шаги ускоряются, и через секунду она оказывается рядом. Голос твёрдый, с упрямой нотой.

Останавливаюсь. Медленно разворачиваюсь и смотрю прямо в глаза, позволяя волку мелькнуть во взгляде.

— Ты правда думаешь, что здесь решаешь ты? — спрашиваю спокойно. — В моём доме. Она молчит секунду, потом выпрямляется.

— Я пришла работать сторителлером, — говорит ровно. — И я умею это делать. Делаю шаг к ней. Она не отходит.

— Возможно, — отвечаю тихо. — Но с Алексом у тебя выходит лучше. Она хмурится.

— Он понял это сразу. Мне понадобилось чуть больше времени. Делаю паузу.

— Значит, остаёшься.

Разворачиваюсь и иду на кухню, слыша шаги за спиной. Фиби идёт следом, не отставая, но и не пытаюсь обогнать.

Молча наливаю себе кофе. Чашка наполняется медленно, густая тёмная жидкость поднимается к краю. Ставлю её на столешницу и делаю глоток. Тишина тянется, плотная, натянутая.

Фиби останавливается у входа на кухню. Чувствую её присутствие спиной — напряжённое, собранное.

— Если вдруг ты забыла, я напомним, — говорю спокойно, не оборачиваясь. Пауза.

— В офисе ты сказала моей матери и главе альянса, что ты — няня Алекса. Голос остаётся ровным.

— И поверь, и та, и другая это проверят.

Поворачиваюсь и опираюсь ладонями о столешницу, глядя прямо на неё.

Фиби старается держаться спокойно. На шее едва заметно пульсирует жилка.

— А Оливии, — произношу имя медленно, — бабушке Алекса, не составит труда выяснить, к какой стае ты принадлежишь.

Она не двигается. Только взгляд становится жёстче.

— А потом вернуть тебя на суд. В твою стаю.

Она в ловушке.

— Так что, Фиби, — говорю тихо, не повышая голоса, — у тебя есть только два варианта. Отставляю чашку в сторону, не приближаясь.

— Работать на меня. Или вернуться туда, откуда бежала.

Молчание тянется. Жду, не отводя взгляда, и понимаю: решение она уже приняла, просто не готова его озвучить.

Она смотрит прямо, взгляд темнеет от злости, но голос остаётся ровным, почти холодным:

— А где мать Алекса? — спрашивает она прямо. — Разве не она должна быть рядом с ним?

Вопрос звучит жёстко. Ставлю чашку на стол без спешки, давая тишине повиснуть между нами.

— Это не та тема, в которую тебе стоит влезать, — говорю спокойно. — Алекс — да. Остальное — нет.

Она сжимает челюсти, но взгляда не отводит.

— Я не лезу не в своё дело, — говорит тише. — Я просто вижу, что ему её не хватает. Он ищет её в каждом встречном.

Эти слова бьют точно. Короткая вспышка внутри. Я гашу её сразу.

— Потому что она сделала свой выбор, — говорю жёстко. — Так же, как сейчас делаешь его ты.

Подхожу ближе, останавливаюсь, не нарушая дистанции.

— Ты работаешь на меня, Фиби. Всё остальное — не твоё дело.

Она молчит. В глазах всё ещё горит упрямый огонь — именно это я и заметил с самого начала.

Делает короткий вдох, но не отступает.

— Почему я? — спрашивает тихо. В голосе злость и сдержанное напряжение.

Наклоняюсь чуть ближе — ровно настолько, чтобы она это почувствовала.

— Потому что ты не отводишь взгляд, — говорю спокойно. — И не ищешь, за кого спрятаться.

Пауза. Телефон вибрирует в кармане, разрывая тишину кухни.

— Да, слушаю, — отвечаю, не сводя с неё взгляда.

Голос Марко в трубке звучит чётко и собранно — без лишних слов.

— Ник, я нашёл данные по той стае. Сильвер-Хорн.

Я ещё не успеваю осмыслить его — и уже вижу реакцию Фиби.

Дыхание у неё сбивается. Плечи напрягаются и замирают. Взгляд уходит в сторону.

Она быстро берёт себя в руки. Делает глубокий вдох. Поднимает подбородок. Взгляд снова становится прямым и собранным.

— Хорошо, — говорю в трубку ровно, не отводя от неё взгляда. — Собери всё, что есть. И скинь мне.

— Принял, — отвечает Марко.

Связь обрывается.

Убираю телефон и продолжаю смотреть на Фиби.

С виду она спокойна. Если не приглядываться, ничего необычного не заметно. Но напряжение в ней остаётся. Запах меняется, становится резче.

Для неё это название значит больше, чем просто имя стаи.

Я пока не знаю почему. Но понимаю: здесь её прошлое.

Это запоминается.

Ставлю чашку на столешницу.

— Гостевая в конце коридора, — говорю, не оборачиваясь. — В шкафу есть, что надеть на первое время. Прежней хозяйки. Размер должен подойти. Завтра пришлю за твоими вещами — оставишь адрес.

Слышу за спиной короткую паузу. Потом её тихое:

— Хорошо.

Шаги уходят к лестнице.

Глава 9

Фиби

Звонок разрывает тишину, и я остаюсь на месте — внутри всё сжимается в болезненный узел.

— Сильвер-Хорн.

Всего два слова, но для меня они — то, от чего я ушла и не оглядывалась. Николас коротко отвечает и завершает звонок, потом сразу смотрит на меня — внимательно, оценивающе.

Губы пересыхают, дыхание сбивается, и в памяти вспыхивает прошлое.

Отец стоит передо мной, усталый, сгорбленный, будто под тяжестью решений, которые не хотел принимать. За его спиной — мачеха. Губы сжаты, взгляд жёсткий, руки скрещены на груди.

Не та женщина, что должна была стоять там.

Моя мать ушла два года назад. Слегла внезапно — здоровая, крепкая истинная пара, и за полгода её не стало. Никто так и не понял почему. Лекари разводили руками. Отец тоже.

Тогда я ещё не задавала вопросов. Тогда я была щенком.

— Она бета. Ты не знаешь, что будет с её потомством! — голос мачехи режет память так же, как тогда.

Я сжимаю кулаки. Эти слова звучат как приговор.

— Она не будет хорошей парой. Ни один сильный оборотень не захочет рисковать.

Отец смотрит на меня долго, будто пытается удержать. Но я уже всё решила. Я ушла сама. Оставила братьев и сестру в доме, где всегда была лишней. Ушла раньше, чем мачеха смогла меня сломать.

— Ты знаешь эту стаю, — голос Николаса возвращает меня в реальность.

— Знаю.

Николас чуть наклоняет голову.

— Личные счёты?

Заставляю себя дышать ровно.

— Это неважно.

Он молчит секунду — взгляд цепкий, внимательный; замечает напряжение, сжатые пальцы, но не продолжает. Медленно кивает, закрывая тему.

— Хорошо, я согласна.

Николас смотрит оценивающе, без спешки.

— Разумный выбор. Пойдём.

Подходит к холодильнику, открывает дверцу.

— Продукты здесь. Алекс утром ест яйца. Если захочет другое — решишь на месте.

Киваю. Николас закрывает холодильник и кивает в сторону коридора.

— Ванная рядом.

Идёт первым, я — следом.

— Полотенца в шкафчике.

Останавливается у следующей двери.

— Твоя комната.

Внутри чисто и просто: кровать застелена, лишнего нет.

— Ты живёшь здесь, пока работаешь на меня.

Задерживает на мне взгляд.
— Вопросы?
Смотрю прямо.
— У меня нет одежды. Я приехала налегке.
— Понял.
— Мне нужно сейчас. Хотя бы минимум.
Короткая пауза.
— В комнате есть халат. Остальное решим утром.
— Я могу съездить сама?
— Нет.
Без объяснений.
— Я поеду с тобой. Но не сегодня.
Он бросает взгляд на телефон.
— Времени нет.
Молча киваю.
— Телефон у тебя с собой?
Достаю из кармана. Николас берёт, быстро вбивает номер, возвращает.
— Теперь у тебя есть мой. Если понадобится — звони. Не всегда беру сразу. Но перезваниваю.
В голосе нет обещаний. Только правило.
— По пустякам не дёргай.
Я киваю.
Он смотрит ещё секунду, будто проверяя, всё ли я поняла, и открывает дверь.
— Осваивайся. Я скоро вернусь.
Николас выходит. Закрываю дверь и медленно выдыхаю.
— Хорошо, — говорю в пустоту.
Прислоняюсь спиной к двери.
Проходит немного времени. В коридоре — шаги. Тяжёлые, уверенные. К ним добавляются ещё одни, ровнее и тише, но такие же твёрдые.
Останавливаются напротив моей двери.
— Фиби. Выйди.
Открываю.
Николас стоит в коридоре. Чуть в стороне — мужчина выше меня, шире в плечах. Куртка расстёгнута, воротник ещё хранит холод с улицы. В руке — тонкая папка.
— Это Марко, — говорит Николас ровно. — Мой бета.
Пауза.
— Это Фиби. Няня Алекса.
Марко медленно втягивает воздух. Лицо не меняется. Только скулы едва заметно каменеют.
Он не рычит и не давит. Смотрит долго — как смотрят на цифры, которые не сходятся.
Переводит взгляд на альфу.
— На пару слов, — говорит ровно. — С отчётом.
Николас коротко кивает. Потом смотрит на меня.
— Вернись в комнату. Я позову.
Делаю шаг назад и закрываю за собой дверь. Сажусь на край кровати, руки кладу на колени, чтобы не сжимались в кулаки.
Слышу, как шаги удаляются по коридору; хлопает другая дверь, и потом — тишина.
Они там одни. Говорят обо мне.

Знаю, что будет дальше. Марко — бета стаи, он не принял решение альфы. Пришёл с пустыми руками по Сильвер-Хорн — отчёт ещё не готов, а в доме уже чужая волчица. Он будет возражать. И правильно сделает. Николас выслушает — и оставит своё.

Разница между стаей, в которой я выросла, и этой — именно в этом. У отца бета молчал, пока альфа решал; мачеха решала. Здесь, кажется, иначе.

Проходит несколько минут, может, больше. Дыхание ровное — я дисциплинирована. За четыре года я научилась ждать.

Шаги возвращаются. Два знакомых ритма.

— Фиби.

Открываю дверь.

Николас стоит на том же месте. Марко — на полшага позади. Лицо уже собранное, без каменных скул.

— Марко первые дни будет в доме, — говорит Николас ровно. — Так надо.

Не «это порядок». Не «это не недоверие». Николас не врёт ни мне, ни себе.

Я киваю.

Марко делает шаг ближе. Не вплотную. Останавливается на той дистанции, с которой один бета говорит другому, когда хочет, чтобы слова легли точно.

— Альфа дал тебе слово, — говорит негромко. — Значит, и я дал.

Пауза.

— Но отчёт по твоей стае у меня пустой. А ты — в доме.

Держу его взгляд. Ровно. Не ниже, не выше положенного. Бета бете, на его территории.

— Поэтому я рядом, — заканчивает он. — Не прячь.

Отвечаю так же негромко:

— Там, где Алекс, — всё прозрачно. Остальное — моё.

Он держит взгляд ещё секунду. Коротко кивает. Один раз.

Поворачивается к Николасу.

— А Сандра?

Воздух тяжелеет. Николас отвечает не сразу.

— Её нет.

— А Алекс?

— Со мной.

Тон окончательный. Марко ещё мгновение смотрит на него, потом коротко выдыхает.

— Принял.

Разворачивается и уходит по коридору. Шаги ровные, без спешки.

Я остаюсь напротив Николаса.

Он смотрит на меня ещё секунду. Не давит. Просто фиксирует.

Значит, трёх дней у меня ровно на то, чтобы не ошибиться.

Не ошибусь.

Глава 10

Николас

Марко уходит. В коридоре остаётся только его след — чуть резкий, уличный.

Я слышу, как хлопает входная дверь.

Фиби стоит напротив. Пальцы всё ещё сжаты на рукаве блузки. Она держит себя ровно, но не делает вид, что ничего не произошло.

Умно.

Хороший бета не соглашается молча. Плохой — соглашается и шепчется за спиной. Мне достался хороший. Это я у себя фиксирую спокойно.

Она — тоже хорошая бета. Только чужая.

— Тебе стоит отдохнуть.

— Я в порядке, — отвечает ровно.

В её взгляде вспыхивает упрямство, но она сдерживает его.

— Меня не будет до вечера, — говорю, застёгивая часы.

Смотрю перед тем, как выйти.

— Алекс привязался к тебе. Не сломай это.

Разворачиваюсь и иду к выходу, не дожидаясь ответа.

Фиби молчит. Но напряжение я чувствую даже спиной.

Правильно.

Алекс уже сделал выбор.

Я — ещё нет.

Шаги гулко отдаются в тишине. Дверь за спиной закрывается.

Выхожу из дома. Прохладный воздух отрезвляет.

Волк внутри спокоен. Он принял её. Не чувствует опасности.

Но у Марко тоже есть волк. И у волка Марко — своя голова. Пока она говорит «нет», решение не закрыто.

Три дня.

Нажимаю на газ. Машина срывается с места, дорога ложится под колёса уверенно. Городские огни тянутся полосами, но мысли уже не о них.

Останавливаюсь перед офисом. Стекланный фасад отражает город — холодно и чётко. Здесь всё работает по правилам. Без лишних вопросов и двойных смыслов.

Выбираюсь из салона и иду через главный холл. Секретарь уже у двери кабинета.

— Все собрались?

— Да, господин Паркер. Партнёры в переговорной.

Киваю и вхожу. В голове — привычное переключение.

Здесь я владелец компании. Человек, который принимает решения и за них отвечает. Тот, с кем не торгуются.

Здесь я держу волка под контролем. Дом и стая остаются за дверью. Пока.

Захожу в переговорную. Партнёры на местах, документы разложены, свет приглушён.

— Господа. Начнём.

Секретарь выкладывает договор. Просматриваю страницы: формулировки, цифры, обязательства. Всё должно быть точно.

— Мы согласны с условиями, — говорит один из инвесторов. — Но в третьем разделе не прописана логистика.

Перевожу взгляд на юриста.

— Исправьте.

— Уже, — кивает он и вносит правки.

Провожу пальцами по краю стола, оглядывая присутствующих. Никто не спорит. Они знают, с кем имеют дело.

Через час подписи стоят. Сделка закрыта.

— Хорошая работа, — говорю, поднимаясь.

Для них — конец разговора. Для меня — отметка в графике.

Выходим из зала. Юристы и финансисты остаются обсуждать детали. Я включаю телефон. Несколько пропущенных. Ничего срочного.

Сделка закрыта. Теперь — другое.

Закрываю за собой дверь кабинета и набираю номер. Один короткий гудок — и на том конце берут трубку.

— Бауэр, — голос ровный, сосредоточенный.

— Найди мне Сандру, — говорю чётко.

Вопросов не следует.

— Сроки?

— Как можно быстрее. Полный отчёт. Где она, с кем, что делает.

Короткая пауза.

— Будет сделано.

Сбрасываю вызов и сжимаю телефон в руке. Волк замирает. Он ждал этого момента.

Сандра ушла. Оставила сына. Значит, была причина. Но догадки меня не интересуют.

Мне нужны факты.

Наш брак изначально был договором. Союзом стай, выгодным и холодным. Мы не выбрали друг друга — за нас решила необходимость.

С появлением Алекса что-то сдвинулось. Я решил, что этого будет достаточно, чтобы удержать её.

Но Сандра этой связи не почувствовала.

После рождения Алекса ничего не изменилось. Она была рядом, выполняла всё, что требовалось, но без тепла и близости. Не тянулась к сыну, не искала его взгляда, не держалась за него дольше нужного.

Она выглядела правильной матерью. Но оставалась чужой.

Не говорила, что уйдёт. Просто всё чаще выбирала себя. Я видел это и понял слишком поздно.

Воспоминание о последнем разговоре накрывает внезапно.

Если бы я знал, к чему это приведёт.

— Я устала, Николас, — говорит она спокойно. Слишком спокойно.

Смотрю, не перебивая. Вижу, как напряжены плечи, как она держит себя усилием воли.

— Устала, — повторяю тише. — От чего именно?

Она откидывается на спинку кресла, будто дистанцируется заранее.

— От всего. От стаи. От этого дома. И от нас тоже.

— От нас? — уточняю, не повышая голоса. — Или от ответственности, которая с этим пришла?

Она поджимает губы, потом резко выдыхает.

— Я ничего не должна, Николас. Ни тебе, ни стае. Этот брак был не моим выбором.

Пауза.

— Алекс тоже? — спрашиваю глухо.

Она замирает, но быстро берёт себя в руки.

— Я не просила этого ребёнка.

По спине проходит холод.

— Он твой сын, — говорю тихо.

Она отворачивается.

— Может, я просто хочу свободы.

Не отвечаю сразу. Даю словам осесть. *Свобода*. В её устах это звучит почти наивно.

Волк внутри поднимает голову — не рычит, не рвётся. Он спокоен и уверен. Это моя самка. Мой дом. Мой наследник.

Смотрю на неё без злости, ровно. Игры закончились. Она может уйти. Может сопротивляться. Может делать вид, что это её выбор. Но реальность от этого не изменится.

Глава 11

Фиби

Утро. Своих вещей нет — пакет привезут только сегодня. А пока — гостевая в конце коридора. Та, про которую он сказал вчера на кухне.

Захожу. Большая кровать, тёмное дерево, плотные шторы. Та же дорогая обставленность, что и внизу. На прикроватной тумбе — лампа в форме изогнутого стебля. Дорого. Ненужно.

Открываю шкаф.

Несколько свитеров из тонкой шерсти, две пары джинсов с дорогой биркой, шёлковая блузка цвета слоновой кости. Аккуратно, на плечиках. Никто не вычистил после неё. И никто не складывал заново — просто оставили висеть.

Беру серый свитер. Поднимаю к лицу. Лаванда. И тот самый чужой парфюм — тяжёлый, цветочный, тот же, что внизу. Прошёл через стирку, остался в волокнах.

Он впустил меня в её шкаф. Сам. И сказал об этом коротко, как будто это ничего не значит.

Ничего и не значит. Это просто свитер.

Великоват в плечах. Сойдёт.

Где-то на этой неделе нужно купить себе свой. Если останутся деньги после аренды.

Выхожу из гостевой и тихо прикрываю дверь.

Дом затих. Николас уехал. Но не до конца.

Чувствую запах Марко — ровный, не близкий, но точно в доме. Где-то наверху или в гостевой. Он не прячется. Просто не мешает.

Стою в центре гостиной и прислушиваюсь к тишине. Дом большой — слишком большой для одного мужчины с ребёнком. Здесь всё дорого и со вкусом, который выбирала женщина: бархат на диванах, тяжёлые портьеры в пол, картины в массивных рамах, ваза с засушенной композицией на каминной полке. Каждая мелочь подобрана так, чтобы заметили цену. И ни одной — для уюта.

Запах другой женщины ещё держится в воздухе. Не свежий — оседает в подушках, в бархатной обивке, в тяжёлых шторах. Цветочные духи, дорогие, тяжёлые. Не из тех, что выбирают для тепла. Из тех, что выбирают, чтобы заметили.

Осторожно иду на кухню. Большая, стильная, с тёмными глянцевыми фасадами. Встроенная техника, массивный остров, барные стулья. Всё идеально чисто. Слишком чисто. Так бывает в кухнях, которые открывают только когда заходит уборщица или приезжает доставка.

Открываю холодильник. Внутри порядок, но не хозяйский.

Еда разложена по контейнерам — скорее всего, доставка. Минеральная вода, протеиновые батончики, свежие овощи, дорогой алкоголь. На нижней полке — детское молоко, йогурт, упаковка печенья. Яйца в поддоне.

Значит, о ребёнке думают. Это уже хорошо.

Закрываю холодильник, открываю шкаф над кофемашиной. Банки с кофе, коробки с чаем. Рука сама тянется к зелёному. Включаю чайник.

Пока вода нагревается, проверяю остальные шкафы. Мука, сахар, масло. Всё есть. Для завтрака хватит.

Остаюсь у столешницы. Просто стою, опираясь ладонями о край. Идеальный порядок. Сложно представить, что тут живут.

Чайник щёлкает, возвращая к реальности.

Завариваю чай, делаю глоток. Горчит. Самое то. Немного отпускает.

Ставлю чашку и тихо иду наверх проверить Алекса. Дверь в его комнату приоткрыта.

Захожу. Алекс спит, утонув в подушках. Губы приоткрыты, ресницы подрагивают во сне.

Сажусь на край кровати. Волчица внутри спокойна. Осторожно поправляю одеяло, убираю прядь волос с его лба. Алекс что-то бормочет и, не просыпаясь, прижимает к себе игрушечного волка.

Тихо выхожу, прикрываю дверь и спускаюсь вниз.

На кухне открываю шкафы, пробегаюсь взглядом по полкам. Всё под рукой. Тарелки аккуратно расставлены, миски, венчик, сковороды — ничего лишнего.

Омлет и панкейки — проще не придумаешь.

Разбиваю яйца в миску, добавляю молоко, взбиваю венчиком. Движения знакомые, почти автоматические. Раньше завтраки чаще всего были на мне. Потом готовка просто вошла в привычку.

Сковорода уже разогрелась. Кладу кусочек масла — оно сразу шипит. Тесто растекается по поверхности тонким кругом. Жду пару секунд и переворачиваю панкейк. Корочка схватывается быстро, становится ровной и золотистой.

Сначала пеку панкейки — один за другим, пока на тарелке не набирается с десяток. Маленькие, ровные, с румяной корочкой. Откладываю их в сторону и только потом ставлю омлет. Немного соли, перца, щепотка тёртого сыра. Всё делаю на глаз, без раздумий. Руки помнят.

Где-то наверху — короткий шаг. Одна половица. Потом тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.